

Научная статья

УДК 821.162.3-3 Вайль + 94(470-25)“1933/1934” + 316.7(470-25)

DOI 10.15826/izv1.2024.30.4.064

**ЗА СОВЕТСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ В ЧЕХИИ:
ПОЛЕМИКА ИРЖИ ВАЙЛЯ
С ПРАВОЙ ЧЕШСКОЙ ПЕЧАТЬЮ 1920-х гг.**

Анна Васильевна Грасько

Институт славяноведения РАН,

Москва, Россия,

anna-grasko@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-7805-9008>

А н н о т а ц и я. В статье анализируется полемика чешского писателя Иржи Вайля (1900–1959) с правой чешской печатью 1920-х гг. по поводу русской советской литературы. Предметом научного рассмотрения стали репортажи, обзоры, рецензии, литературно-критические заметки, опубликованные в первом и третьем томах издаваемого в Праге в настоящее время 13-томного Собрания сочинений писателя. Выявлены идейно-тематические векторы вышеупомянутой полемики, определена точка зрения Вайля, последовательно отстаивающего эстетическую ценность и содержательную оригинальность советской литературы первого после революционного десятилетия. Сделан вывод о значении публицистики Вайля для более полного представления о литературных, культурных и политических взаимосвязях России и Чехии 1920-х гг. Все публицистические тексты Вайля вводятся в научный оборот впервые.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Иржи Вайль; чешская литература XX в.; чешская «левица»; чешская правая печать; советская литература 1920-х гг; советские писатели в Чехии

**FOR SOVIET LITERATURE IN THE CZECH REPUBLIC:
JIŘÍ WEIL'S CONTROVERSY
WITH THE RIGHT WING CZECH PRESS OF THE 1920s**

Anna V. Grasko

*Institute of Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia,*

anna-grasko@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-7805-9008>

Abstract. The article analyzes the polemics of the Czech writer Jiří Weil (1900–1959) with the right wing Czech press of the 1920s regarding Russian Soviet literature. The subject of scientific examination is reports, reviews, critiques, literary critical notes published in volumes 1 and 3 of the 13-volume collected works of the writer, currently published in Prague. The ideological and thematic vectors of the above-mentioned polemics are revealed, Weil's point of view in it is determined, consistently defending the aesthetic value and substantive originality of Soviet literature of the first post-revolutionary decade. A conclusion is made about the importance of Weil's journalism for a more complete understanding of the literary, cultural and political relationships between Russia and the Czech Republic in the 1920s. All of Weil's journalistic texts are introduced into scientific circulation for the first time.

Key words: Jiří Weil; Czech literature of the 20th century; Czech “leftist”; Czech right wing press; Soviet literature of the 1920s; Soviet writers in the Czech Republic

В пражском издательстве Triáda с 2021 г. под общей редакцией профессора Карлова университета, литературоведа Михаила Шпирита (Michael Špirit) начало выходить (и продолжает выходить в настоящее время) 13-томное Собрание сочинений чешского публициста, писателя, критика и переводчика Иржи Вайля (1900–1959) [Weil, 2021–2023], сделавшее наглядным для читателей и исследователей его вклад не только в чешскую культуру, но и в культуру русскую: из пяти уже опубликованных томов нет ни одного вне русской и русской советской темы. Это и диссертация «Гоголь и английский роман 18-го столетия» (1928) (т. 2), и роман о жизни в СССР «Москва-граница» (1937) (т. 4), однако обширнее всего (т. 1, 3, 8, почти по тысяче страниц каждый) представлена публицистика Вайля, причем наибольший объем двух томов публицистики (т. 1, 3) — это рецензии, репортажи, критические статьи, аналитические обзоры, посвященные советской культурной и литературной жизни 1920–1930-х гг. Они и послужили материалом нашей статьи, предметом конкретного научного интереса.

1920–1930-е гг. в Чехословакии — время напряженного внимания со стороны государства и его граждан (интеллектуальной элиты, молодежи, рабочих) ко всему

происходящему в советской России, время идейного противостояния противников и сторонников СССР¹. Левый интеллектуал И. Вайль сполна поучаствовал в разгоревшейся на страницах чешских периодических изданий 1920-х гг. культурно-политической дискуссии об СССР: освещал в своих статьях и репортажах советскую культурную и литературную политику, ее ключевые события, отмечал новинки, имена писателей, характеризовал проблемные стороны литературной жизни. Типичным для него было умение видеть процессы в единстве их развития, выстраивать логику из разрозненных фактов и явлений. На протяжении целого ряда лет Вайль пытался составить целостный нарратив, в котором советская литература рассматривается как особый вектор развития единого общеевропейского литературного поля.

При этом чешский писатель выступал отнюдь не только в качестве внимательного хроникера и обозревателя. Русская советская литература стала для него еще и своеобразным форпостом борьбы за собственные убеждения и взгляды. Как и многие европейские интеллектуалы, Вайль прекрасно понимал, что советская литература с течением времени все больше приобретает идеологическую ценность, становится подтверждением жизнеспособности советского мироустройства, альтернативного западному, и, говоря о ней, можно, по сути дела, говорить о наиболее актуальных и глубоко затрагивающих современного человека вещах. Именно поэтому Вайль вступает в большую полемику с чехословацкой и, шире, европейской демократической печатью, цель которой часто была обратная — дискредитировать СССР, обесценить его культурную жизнь. Так, в 1921 г. Вайль пишет:

Пусть на Западе говорят, что русская литература в упадке, что в России нет искусства, о котором можно было бы говорить с эстетической точки зрения, пусть Запад совсем не заботит русская литература. В России, несмотря на это, сейчас есть искусство, которое ей нужно и которое однажды будет обращаться и к сердцам людей на Западе (*Básníci ruské revoluce: Den 24.1.1921 [Weil, Sv. 1, S. 507]*²).

Вайль отмечает также, что западная критика не улавливает сущности культурных, литературных процессов, происходящих в СССР:

Европейская критика презирает новую русскую литературу. Она ей чужда, поэтому ее смысл остается ей непонятен. Она не умеет даже оценить жертвы, которыми она была куплена. Она знает только старую русскую литературу, которая нашла свое место в европейском контексте, и хочет, чтобы новая русская литература продолжала старую традицию. О новой русской литературе молчат, ее не причисляют к мировой, ставят литературный барьер между Россией и Европой. Критика закрывает глаза перед великим сотрясением, которое уничтожило старую традицию и заставляет творить новую на новых основаниях. Пяти революционных лет работы над новой

¹ См. об этом: [Амелина; Будагова; Буча; Герчикова; Грасько].

² Здесь и далее все цитаты из статей И. Вайля приводятся по данному изданию в нашем переводе с указанием в круглых скобках названия статьи, номера тома и страницы.

русской литературой для Европы будто не бывало. Это естественно, и не стоит об этом печалиться, ибо новая русская литература уже пробивает себе дорогу в Европу, как ее пробили великие русские прозаики девятнадцатого столетия. <...> После революции в России настанет великое возрождение литературы. Поляк Штефан Жеромский говорит, что эта литература будет недружественной к европейской культуре. Немец Освальд Шпенглер полагает, что она будет «нигилистической», что она будет «ненавидеть высшие культурные формы», будет «глубоко националистической». Оба, как и вообще большинство европейских критиков, не понимают влияния революции, боятся ее (Ruská revoluční literatura: samostatná publikace, 1924. Sv. 1, S. 562–563).

Вайль часто весьма откровенно критикует чешскую правую печать:

Вся правая печать в Чехословакии доказывала, что большевики уничтожили в России какую бы то ни было культуру, что в России уже не существует литературы, что все писатели сбежали за границу и что новые писатели не могут возникнуть, поскольку в России нет условий для культурной работы (Literární poznámky k desetiletí Říjnové revoluce, otázka emigrantské literatury: Nové Rusko, leden 1928. Sv. 1, S. 170–171).

Не упускает возможности Вайль и указать на ограниченность правой печати, ее идеологическую ангажированность, допускаемые ею неточности и создаваемые ею фейки:

В это время литература советской России или систематически «замалчивалась», или порочилась клеветой на Маяковского, Есенина, Блока. Грустную главу в истории чешской литературно-критической журналистики представляет собой бездумное повторение гнусных эмигрантских сплетен о советских писателях. Например, известно, что одно из ведущих чешских изданий обвиняло Блока в том, что он продался большевикам, того самого Блока, о котором через несколько дней после его смерти это же издание писало, что он был убит большевиками (Nová ruská literatura v Československu, několik slov k překladům z nové ruské literatury: Komunistická revue, květen 1927. Sv. 1, S. 373).

Вайль пишет:

В «Народних листах» (Národní listy)³ время от времени появлялись самые фантастические новости о русской литературе. Здесь обвиняли Александра Блока, повторялась злонамеренная ложь З. Гиппиус о Максиме Горьком. О качестве этой информации свидетельствует в том числе тот факт, что акмеизм (правое направление символизма, к которому принадлежал и активный противник революции Гумилев) был провозглашен в «Народних листах» эксцентричным большевистским направлением. Анатолий Мариенгоф, у которого брат воевал в белой армии и который по происхождению — прибалтийский дворянин, был изображен как кровожадный поэт, восхваляющий большевиков... (Literární poznámky k desetiletí Říjnové revoluce, otázka emigrantské literatury: Nové Rusko, leden 1928. Sv. 1, S. 171).

³ Národní listy (1861–1941) — чешская правая буржуазная газета.

В другой статье Вайль заключает:

В общем, чешскому культурному обществу все время внушалось мнение, что в советской России никакой литературы нет, что единственной литературой являются эмигрантские памфлеты и старинная ветошь (*Nová ruská literatura v Československu, několik slov k překladům z nové ruské literatury: Komunistická revue, květen 1927. Sv. 1, S. 373*).

В репортаже «Выставка книг СССР» Вайль не только освещает саму выставку, прошедшую в Праге в 1925 г., но и делает критический выпад против публициста и литератора Штепана Ежа, который считает, что разнообразная и богатая выставка советских книг есть средство агитации и пропаганды советского правительства, попытка пустить пыль в глаза, чтобы прикрыть бедную культурную жизнь. В этой же статье Вайль критикует позицию Карела Крамаржа⁴, который, по его словам, убежден, что в СССР запрещают Достоевского и сжигают Толстого. В качестве остроумного завершения полемики с Крамаржем Вайль приводит арабскую байку про муху, которая села на рога быка и сказала: «Если я для тебя слишком тяжелая, я могу улететь». На это бык ответил: «Я не почувствовал, как ты села, и не почувствую, как улетишь» (*Poznámky k výstavě knih SSSR: Rudé právo 19. 5. 1925. Sv. 1, S. 148*).

Таким образом, опираясь на литературно-критические и публицистические свидетельства Вайля, можно понять, насколько карикатурным было представление о советской литературе в Чехии в первой половине 1920-х гг.

Отдельное внимание заслуживает статья Вайля «Две книги о советской молодежи», где речь идет о борьбе со стереотипами и мифами, для конструирования которых используется советская литература. Вайль говорит, в частности, о том, что чешскому обществу внушают, что в комсомольской среде не приняты нормальные браки, происходят любовные оргии и проповедуется свободная любовь в соответствии с теорией «стакана воды», которая якобы вполне отвечает социалистическим установкам:

К самой часто встречающейся клевете и лжи об СССР также относится легенда о распутстве и извращенности советской молодежи (*Dvě knihy o sovětské mládeži: Tvorba 7. 5. 1931. Sv. 1, S. 429*).

Вайль показывает, как работает механизм такого внушения: например, используют повесть советского писателя Льва Гумилевского «Собачий переулочек» (1927), в которой говорится о вольном быте советской молодежи времени нэпа. Вайль указывает, что в Чехии повесть была переведена в 1931 г. и вышла в национал-социалистическом издательстве «Младе проуды» (*Mladé proudy*)

⁴ Карел Крамарж (1860–1937) — чешский политик, в 1918–1919 гг. — глава буржуазного правительства Чехословакии. Один из основателей национально-демократической партии, с 1935 г. — лидер партии «Народни съедноцени», ярый противник коммунизма и Советского Союза.

с предисловием известного поэта Йозефа Горы, имя которого, оваянное былой славой поэта-коммуниста, должно было служить для привлечения внимания и подтверждения достоверности книги. Сама же книга постулировалась как аутентичное, объективное и точное свидетельство о жизни в СССР, ее автор был представлен как наиболее передовой и лучший. Вайль, со своей стороны, говорит, что это акт политического мошенничества, подчеркивает низкое литературное качество произведения Гумилевского, называет его «литературной спекуляцией» и кичем. Причем, как подчеркивает Вайль, важным является использование именно советского художественного текста, «made in Russia», который к тому же выдается за только что созданный, тогда как таковым не является. О том, что теория «стакана воды» реально влияла на молодых людей в советской России, Вайль тоже указывает, но говорит, что советское общество это преодолело, а вот на Западе институт семьи давно превращен в бездушный рынок и торг.

Попробуем разобраться и объективно прокомментировать данную полемику. Проблема увлеченности идеей «стакана воды» действительно существовала, о ней много писали, особенно в середине 1920-х гг., и книга Гумилевского была достаточно популярна у молодежи, так как затрагивала болезненные темы. «Сексуальная революция» стала одним из флагов коммунистических преобразований. Так, например, в 1923 г. чрезвычайно популярной была статья А. Коллонтай «Дорогу крылатому Эросу! (Письмо к трудящейся молодежи)», опубликованная в журнале «Молодая гвардия». В этом же году вышла брошюра Л. Тоцкого «Литература и революция», где проблемы любви, пола, рождения детей были представлены как часть революционно-утопического процесса преобразования общества. В 1924 г. появилась еще одна брошюра «Революция и молодежь», где были перечислены «12 половых заповедей пролетариата» [Залкинд]. В журнале «Сибирские огни» в 1923 г. был опубликован рассказ В. Зазубрина «Общежитие» о бытовом неустройстве и распространении венерических заболеваний в среде коммунистов. Этот рассказ вызвал настоящую полемику. Интересно, что написал о нем даже М. Слоним в русском эмигрантском журнале «Вольная Сибирь», издаваемом в Праге [Проскурина]. Однако, рассматривая динамику изменения этой темы в советском обществе и советской литературе, Е. Н. Проскурина, опираясь на исследование Н. Е. Кочетковой [Кочеткова], пишет: «К концу 1920-х гг. дискуссия завершилась полным запретом изображения эротики в литературе, выведя ее за пределы официально дозволенных тем» [Проскурина, с. 126]. Исторические факты свидетельствуют, что реалии неограниченной свободы любви, появившиеся в раннесоветское время в эпоху нэпа в виде кича и вызова, в какой-то мере — авангарда, уже не были характерны для начала 1930-х гг. И в реальности, и в искусстве тема свободной любви к началу 1930-х гг. была в СССР исчерпана и не поддерживалась официальной властью. Как раз в это время и вышел в Чехии перевод повести Гумилевского (1931), который выдавал события прошлого за животрепещущую реальность сегодняшнего дня и стал из-за сдвига временных рамок и явного укрупнения масштабов изображаемого явления по сути своей настоящим фейком. Именно

на это и указывал Вайль, пытаясь разоблачить созданный негативный миф о советской молодежи.

Не раз фиксирует Вайль в своих репортажах 1920-х гг. и еще одно явление — недружественное, подозрительное отношение ко всему советскому в Чехословакии. В качестве примера рассказывает об инциденте, связанном с посещением Праги тремя советскими пролетарскими поэтами — А. Безыменским, И. Уткиным и А. Жаровым в 1928 г. («Интервью с Александром Безыменским», 1928; «Три советских поэта в Праге», 1928). Предваряется рассказ таким аллегорическим замечанием:

О любви чехословацких органов к культуре можно было бы написать хорошую сказку, ибо мы не сомневаемся, что волк любил Красную Шапочку, когда хотел ее сожрать (Rozhovor s Alexandrem Bezymenskim: Kmen 1928, leden. Sv. 1, S. 77–78).

Далее Вайль рассказывает о том, как чехословацкое правительство выставило поэтов под предлогом того, что у них была виза на 6 дней, а они хотели задержаться на 7. При этом чешские органы знали, что в последний день планируется выступление поэтов перед чешской публикой. Вайль подчеркивает, что недопустимым является метод, которым воспользовались власти: поэтов задержали, и под надзором двух полицейских сопроводили до границы:

О том, как с ними обошлись в Праге, писали почти все газеты. Несомненно, чехословацкие органы имеют свои собственные критические мерки литературы, поскольку не хотели верить советским поэтам, что они на самом деле поэты; Министерство внутренних дел даже утверждало, что это большевицкие комиссары, скрывающиеся под маской поэтов (Tři sovětští básníci v Praze: Nové Rusko, březen 1928. Sv. 1, S. 79–80).

Полумиллионные издания стихов — иронизирует Вайль — не убеждают чехословацкие власти в их неправоте, и далее подчеркивает, что грехом этих поэтов является то, что они — пролетарские. При этом Вайль признает не слишком большую художественную ценность их стихов. Но отношение чешских властей и агрессивная их подозрительность его возмущают. Также Вайль приводит открытое саркастическое письмо, написанное Безыменским, где тот благодарит господина комиссара за оказанное гостеприимство:

Без сомнения, вам подробно рассказывали, что мы не останавливали людей на улице, чтобы раздать им оружие для свержения правительства; что мы не забирались на памятник св. Вацлаву, чтобы разжигать восстание своими речами. Мы скромны, господин комиссар. Полагаем, что, если бы мы прочли несколько стихотворений, мы бы в вашей стране не совершили переворот. Полагаем и остаемся в этом уверены, что ваша демократия сильнее трех поэтов (Rozhovor s Alexandrem Bezymenskim: Kmen 1928, leden. Sv. 1, S. 79).

В 1933 г. в статье «Советская литература и Запад» Вайль резюмирует эволюцию негативного восприятия советской литературы в Европе:

Вначале она «не существовала», по мнению западноевропейских и эмигрантских знатоков. Потом была «варварской и плохой». А сейчас она не безопасна. Не только Ленин и Сталин, но также Гладков или Иванов «подстрекают». И даже полурелигиозная эпопея Блока горела на Оперной площади (Sovětská literatura a Západ: Tvorba 1.6.1933. Sv. 1, S. 685).

Что касается самого Вайля, то он убежден в том, что западная, и чешская в том числе, критика не должна оставаться негативно настроенной по отношению к русской советской литературе, что это непродуктивно для нее самой:

Презрение к новой русской литературе и ледяное молчание о ней хуже открытой вражды. Ибо может случиться так, что мы не поймем новую русскую литературу, останемся ей чужды, как чужды нам были вначале французский романтизм и русский реализм. И потом будет «Европа догонять» (Ruská revoluční literatura: samostatná publikace, 1924. Sv. 1, S. 563).

В отличие от западных критиков, Вайль понимает и подчеркивает аксиологическое значение новой русской литературы:

Сила новой <...> русской литературы заключена в ее цели, в ее новой функции, где писатель является «инженером человеческих душ» <...> Новая русская литература изображает иные общественные условия, иные цели личности в обществе, иные социальные отношения, нежели литература западноевропейская. Она отмечает новые черты человеческой личности, рассказывает о человеке коллективистического общества и о его новом отношении к окружающей действительности. Она решает «вечные» проблемы литературы — тема смерти, любви, страха, геройства — на основе новой действительности и в новом освещении (Ruská literatura nové doby (1917–1935). Sv. 3, S. 673–674);

...революционная поэзия, пусть это будет поэзия футуристов, или символистов, или рабочих и деревенщиков, говорит лишь о человеке. Ибо из революции после боев, битв, баррикад, выстрелов прогремел крик народа, огромный, громовой: «Верую величию сердца человеческого» (Маяковский) (Básníci ruské revoluce: Den 24.1.1921. Sv. 1, S. 507).

Вайль не раз говорит о плодотворном влиянии революции на советскую литературу, подчеркивает, что именно революция вдохнула в нее жизнь, сделала ее по-настоящему современной, помогла ей преодолеть идейный и эстетический кризис.

Отдельного внимания заслуживает еще одна важная для Вайля тема — советская литература в сравнении с литературой русской эмиграции. Советскую литературу, которая ищет новые темы, новую форму, служит строительству новой жизни, Вайль в 1920-е гг. откровенно противопоставляет эмигрантской русской литературе. Вайль не питает к эмигрантам симпатии и не всегда справедливо считает эмиграцию старомодной, а ее литературу отжившей, эстетически и тематически неинтересной:

Эмигрантской литературы нет и не было, за исключением одного русского писателя — А. Алданова. Эмигрантские писатели со звучными именами, как, например,

Бунин, Куприн, Мережковский, не написали в эмиграции ничего, кроме нескольких глупых политических памфлетов (*Literární poznámky k desetiletí Říjnové revoluce*. Sv. 1, S. 172).

В целом писателей старой, дореволюционной школы — Бунина, Куприна, Андреева, Зайцева — Вайль называет представителями «угасающего реализма», или «псевдореалистами» (*Stat' o nové ruské próze: Nové Rusko, duben-prosinec 1925*. Sv. 1, S. 565), подчеркивая, что их творчество содержательно и по своей форме обращено назад, в прошлое. Вайль говорит, что у писателей-реалистов в эмиграции было два варианта творчества: или полностью отречься от революции и ее влияния, изображать жизнь, какой она была до революции, уйти в воспоминания, или же отречься от реализма и перейти к новой литературной форме, что, по словам Вайля, смогли сделать лишь несколько более молодых писателей, среди которых — Алексей Толстой.

Комментируя эти слова Вайля, можно с некоторыми оговорками согласиться, что эмигрантские писатели в большинстве своем тяготели к старому миру и старой традиции. Вместе с тем необходимо учитывать, что данные оценки Вайля относятся к 1920-м гг., когда эмигрантская литература еще не сформировалась, не были опубликованы ключевые произведения представителей старшего поколения, в нее не успели еще войти имена молодых писателей-эмигрантов. Кроме того, резкость оценок Вайля можно объяснить его идеологически враждебной позицией по отношению к эмигрантам. Поэтому он, по-журналистски вырывая отдельные факты, не упускает возможности дискредитировать эмигрантское сообщество:

Все эмигрантские журналы держатся на плаву перепечатыванием — без разрешения авторов — произведений советских писателей, таким образом, эти последние вынуждены протестовать в советской печати (например, Л. Леонов в «Известиях»). Эмигрантская литература дошла в своей художественной немощи до пиратства (*Stat' o nové ruské próze: Nové Rusko, duben-prosinec 1925*. Sv. 1, S. 565).

Надо сказать, что произведения советских писателей действительно печатали в эмигрантских изданиях, например, такую политику проводили редактор газеты «Накануне» Ю. Ключников и редактор журнала «Воля России» М. Слоним, но советские писатели едва ли возражали против «перепечатывания» или даже печатания за границей. К тому же, подобное «пиратство» советские издания тоже практиковали, пользуясь отсутствием официальных соглашений⁵.

⁵ См. об этом у М. А. Ариас-Вихиль: «При этом советская власть не отказывается вовсе от печати иностранных авторов, но не связывает себя никакими обязательствами перед ними. В 1930-е гг. гонорары выплачивались лишь в особых случаях, когда власть желала поощрить писателя за его политическую лояльность советскому режиму или привлечь его на свою сторону. В 1920-е гг. гонорары не выплачивались вовсе. Об этом свидетельствует случай с Гербертом Уэллсом. Так, Г. Уэллс предложил Горькому для его журнала «Беседа» свою книгу «Люди как боги», но Горький был вынужден отказать Уэллсу, так как узнал, что книга Уэллса без разрешения автора печатается в «дешевеньком» московском еженедельнике «Красная нива» (1923. № 1–15. 7 янв.–15 апр., перевод А. Вольнского). Горький пишет Уэллсу по этому поводу: «Признаюсь —

Резко критикует Вайль и выставку эмигрантских книг в 1924 г.:

В Климентинуме с большой рекламой была открыта выставка русских эмигрантских книг. Выставка должна была стать своего рода демонстрацией против недавно прошедшей выставки советских книг и должна была показать жизненную и культурную силу русской эмиграции. Надо сказать, что ни одной, ни другой цели она не достигла. Выставка советских книг была выставкой одной шестой книжной продукции в России, тогда как эмигрантская представляет почти все, что было издано эмигрантами за границей в Европе, Америке, в Азии и Африке. И книг не так много, поэтому организаторы были вынуждены выставлять и советские книги. Отметим, что книжная выставка советских книг в Париже, прошедшая в 1926 г., также произвела впечатление своим многообразием и присутствием образцов литературы на языках малых народностей⁶. Что касается другой задачи, т. е. доказательства жизнеспособности и культурной силы эмиграции, здесь результат свидетельствует об обратном. Главное место занимают переиздания классиков: в большинстве своем не критические, неточные и неполные издания, тогда как в России, как все могли убедиться на выставке советских книг, выходят качественные и тщательные составленные издания, как, например, сочинения Пушкина. <...> Что касается беллетристики, то здесь самые лучшие и красивые издания принадлежат издательствам, которые печатают книги писателей, живущих в России, их книги предназначены для России, а не для эмиграции. Художественных книг, изданных в эмиграции, на выставке очень мало, и к тому же это издания, напечатанные немецкими издательствами, а не эмигрантскими (Výstava ruské emigrantské knihy: Pondělní noviny 16.6.1924. Sv. 1, S. 145).

Вайль убежден в полной победе советской литературы в этой дуэли:

С проникновением советской литературы на Запад наступает пересмотр мнения об эмигрантской литературе. К выводу, что эмигрантская литература вовсе не имеет художественной ценности, приходит, наконец, и эмигрантская печать, которая начинает внимательно прислушиваться к новой русской литературе... (Literární poznámky k desetiletí Říjnové revoluce, otázka emigrantské literatury: Nové Rusko, leden 1928. Sv. 1, S. 172).

Говоря о визитах советских писателей в Прагу, собирающих большие аудитории (например, в зале Народного дома, где выступал Маяковский, собралось около тысячи человек), Вайль отмечает, что визит эмигрантского поэта Бальмонта, напротив, не «имел никакого отклика, как констатировала не социалистическая, а правая печать» и что «сейчас правой печати уже не приходится в голову доказывать, что в Советском Союзе не существует литературы» (Literární poznámky k desetiletí Říjnové revoluce, otázka emigrantské literatury. Sv. 1, S. 173). Противопоставление

меня возмущают эти переводы без разрешения автора, возмущают не только потому, что это наносит автору материальный ущерб, но, главным образом, потому, что цельная, хорошая книга будет дана читателю в раздробленном виде и, наверное, в плохом переводе". Обиженный Уэллс больше не присылал своих произведений для горьковской "Беседы» [Ариас-Вихиль, с. 15].

⁶ Об этом упоминает, например, Т. П. Миронова в статье «Сотрудничество СССР и Франции в области книжного дела в 20-е гг. XX века». См.: [Миронова].

«советская литература — литература русской эмиграции» присутствует и в статьях Вайля начала 1930-х гг. Так, в 1932 г. в обобщающей статье, посвященной 15-летию советской литературы, Вайль откровенно смеется над эмиграцией и однозначно утверждает первенство советского литературного творчества:

Это началось оханьем: «Проклятие вам, большевики!» — кричал Андреев. «Конец русской литературы!» — хором кричали Бунин, Мережковский, Зинаида Гиппиус, к ним присоединились порнографист Арцыбашев и прогрессивный сентименталист Чирков. Оханье перешло в плач, когда оказалось, что Россия достаточно спокойно обойдется без этих писателей. Они так долго кричали о загубленной русской литературе, что однажды проснулись и обнаружили, что уже не могут писать по-русски, что погрязли в эмиграции, что ничего не знают о современной России. Тем временем выросшая и окрепшая советская литература переведена на все языки и жадно читается также и русскими эмигрантами (Patnáct let sovětské literatury: Tvorba 3. A 10.11.1932. Sv. 1, S. 675).

При всем этом важен и еще один момент: если в 1920-е гг. советская культура для Вайля — только антитеза европейскому капиталистическому искусству, то в 1930-е гг. она воспринимается им как оплот борьбы против фашизма, набирающего силу в Европе. В статье «Советская литература и Запад» (1933) Вайль подчеркивает, что

...все советские писатели с 1917 г. были включены в гитлеровские черные списки, их произведения сжигались, были выброшены из библиотек (Sovětská literatura a Západ: Tvorba 1.6.1933. Sv. 1, S. 685).

Для Вайля также важно показать, что и советские писатели осознают свою роль в этом новом противостоянии:

Как отвечают советские писатели на это отношение фашистских правительств? Мы горды — ответили советские авторы — что наши произведения составили четвертую часть всех книг, сожженных хагенкройзлеровскими варварами (hakenkreuz — свастика. — А. Г.). И действительно очень интересно, что жесткое притеснение советской литературы фашистскими правительствами помогло советским писателям еще больше осознать европейскую роль советской литературы, ее сегодняшнее первенство в Европе... (Sovětská literatura a Západ: Tvorba 1.6.1933. Sv. 1, S. 685–686).

Безусловно, Вайль не был единственным представителем чешской «левицы», в 1920–1930-е гг. пишущим в чешских левых изданиях о советской культуре и советском литературном процессе, однако его публикации, представляющие собой резкую и всегда прекрасно аргументированную альтернативу правой чешской печати, явно выделялись на общем фоне чешских просоветских публикаций. Четкие по своей структуре, законченные по мысли, предоставляющие богатый фактографический материал, они и сегодня могли бы прекрасно дополнить наши представления о литературных, культурных и политических взаимоотношениях советской России и Чехии 1920-х гг.

Амелина А. В. Утопичность восприятия советской России в чешской среде 1920–1930-х гг. (Я. Вайсс, М. Майерова, Ю. Фучик) // Россия и русский человек в восприятии славянских народов / отв. ред. А. В. Липатов, Ю. А. Созина. М., 2014. С. 307–320.

Ариас-Вихиль М. А. Критерии оценки иностранных писателей в советской России: советский индекс (по материалам переписки А. М. Горького и Р. Роллана) // Новые рос. гуманитар. исслед. 2014. № 9. С. 15. URL: <http://nrgumis.ru/articles/274/> (дата обращения: 20.07.2024).

Будагова Л. Н. Чехи в Москве первых пятилеток // Славяне и Россия: славяне в Москве. К 870-летию со дня основания г. Москвы / отв. ред. С. И. Данченко. М., 2018. С. 301–215.

Буча А. И. Признание Чехословакией Советского Союза в 1934 г. в контексте реализации идеи «Восточного пакта» // Российские и славянские исследования : науч. сб. / отв. ред. А. П. Сальков, О. А. Яновский. Минск, 2014. Вып. 9. С. 198–204.

Герчикова И. А. Чехи в Москве 1930-х годов. Два мира Иржи Вайля и Яна Вайсса // Славяне и Россия: славяне в Москве. К 870-летию со дня основания г. Москвы / отв. ред. С. И. Данченко. М., 2018. С. 285–299.

Грасько А. В. Советский мир 1930-х гг. в чешской литературе: Иржи Вайль и его роман «Москва — граница» // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 3. С. 168–182. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.3.051>

Залкинд А. Б. Двенадцать половых заповедей революционного пролетариата // Революция и молодежь. М., 1924 (опубл. с небольшими сокращениями в журн.: Родник. 1989. № 9. С. 63–68).

Кочеткова Н. Е. Дискуссия о порнографической литературе в журналистике 1920-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2024.

Миронова Т. П. Сотрудничество СССР и Франции в области книжного дела в 20-е годы XX века // Уч. зап. Орл. гос. ун-та. 2018. № 2 (79).

Проскурина Е. Н. Советский быт в рассказе В. Зазубрина «Общежитие» и его оценка критикой 1920-х годов // Человек советский: за и против = Homo soveticus pro et contra : монография / под общ. ред. Ю. В. Матвеевой, Ю. А. Русиной. Екатеринбург, 2021. С. 117–134.

Weil J. Spisy. Praha : Triáda, 2021–2023. Sv. 1 : Reportáže a stati 1920–1933. 2021 ; Sv. 3 : Reportáže a stati 1933–1937. 2022.

Статья поступила в редакцию 02.08.2024 г.